

государственной измѣны, старались изыскать окольные пути къ его обвиненію; допрашивали, напримѣръ: какія тайныя конференціи были у Бестужева со Штамбе и съ Понятовскимъ; были ли другія письма великой княгини къ Апраксину, кромѣ уже открытых. О сношеніяхъ съ Понятовскимъ Бестужевъ объявилъ, что онъ думалъ черезъ него оградить себя отъ интригъ австрійскаго посланника Эстергази и французскаго — маркиза Де-Лопиталья. „Я хотѣлъ, — говорилъ Бестужевъ, — найти въ Понятовскомъ хотя одного къ себѣ расположеннаго иностраннаго министра, который бы меня увѣдомлялъ о ихъ козняхъ“. Волковъ явился врагомъ Бестужева и обличителемъ: онъ высказывалъ въ комиссіи разныя подробности, которыми пользовались враждебные Бестужеву слѣдователи, но, за неимѣніемъ въ рукахъ проекта, все-таки не могли Бестужева погубить окончательно. Продержали Бестужева подъ арестомъ 14 мѣсяцевъ; сидѣлъ онъ безвыходно въ своемъ домѣ, постоянно стѣсняемый караульными солдатами. Черезъ полтора мѣсяца по его заточеніи, пріѣзжалъ къ нему личный врагъ его князь Трубецкой, председатель учрежденной надъ Бестужевымъ комиссіи, освѣдомляться — строго ли содержать арестанта, и дать приказаніе не отлучаться изъ его покоевъ сержанту и часовымъ, не давать ему ножей, никого къ нему не допускать, кромѣ его служителя Рѣдкина. Жена его безпрестанно плакала, сынъ сердился, а старикъ Алексѣй Петровичъ только стоналъ и воображалъ, что вотъ скоро наступитъ его послѣдній часъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1759 года состоялся надъ нимъ приговоръ: его обвинили въ томъ, что онъ старался вооружить великаго князя и великую княгиню противъ императрицы, не исполнялъ письменныхъ высочайшихъ указовъ, а своими противодѣйственными происками мѣшалъ ихъ исполненію; зналъ, что Апраксинъ не хочетъ идти противъ непріятеля, — не доносилъ о томъ государынѣ, а вмѣсто донесенія хотѣлъ все исправить собою „при влетеніи въ непозволенную переписку такой персоны, которая не должна была принимать участія, и тѣмъ нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался“. Наконецъ, и въ томъ его обвинили, что, „будучи подъ арестомъ, открылъ письменно такія тайны, о которыхъ и говорить подъ смертною казнію запрещалось“¹⁾. За всѣ эти вины комиссія приговорила его къ

¹⁾ Въ приговорѣ, вѣроятно сочиненномъ Волковымъ, глухо и неясно говорится „между взятыми его письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дальновидные замыслы, которыми онъ явно показуетъ свое недоброжелательство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью, но о томъ и о